

Александр БЕК

Волоколамское шоссе

Александр Бек

Волоколамское Шоссе

Издательство «FAN» Академии наук
Республики Узбекистан
Ташкент—2018

УДК: 821.161(73)-31
ББК 84(2Рос)
Б42

Александр Бек
Б42 **Волоколамское шоссе** – Александр Бек Т.: Из-
дательство «Fan» АН РУз., 2018, с. 584.

Настоящий роман повествует о подвиге советских солдат и офицеров из 1-го батальона 1073 стрелкового полка 316-й дивизии (впоследствии 8-й гвардейской стрелковой дивизии) генерал-майора Панфилова, которые сражались и отдавали жизни в схватке с немецкими захватчиками под Москвой на Волоколамском направлении осенью-зимой 1941 года.

Этим романом о героических защитниках Москвы зачитывались в тылу, она была в полевых сумках бойцов на фронте. О книге во Франции писали как о шедевре, в Италии – как о самом выдающемся в русской литературе произведении о войне, а в Финляндии ее изучали в Военной академии.

Книга о патриотизме предназначена широкому кругу читателей.

УДК: 821.161(73)-31
ББК 84(2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

1. ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО НЕТ ФАМИЛИИ	5
2. СТРАХ	9
3. СУДИТЕ МЕНЯ!	18
4. НЕ УМИРАТЬ, А ЖИТЬ!	25
5. ГЕНЕРАЛ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ПАНФИЛОВ	33
6. ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД	43
7. ЛОШАДЬ ЛЫСАНКА И ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ	52
8. ТАБАЧНЫЙ МАРШ	59
9. «ПЛОХО, ТОВАРИЩ МОМЫШ-УЛЫ!»	69
10. ПОПРОБУЙТЕ СРАЗИТЕСЬ С НАМИ!	78

ПОВЕСТЬ ВТОРАЯ

1. НАКАНУНЕ БОЯ	86
2. ОДИН ЧАС С ПАНФИЛОВЫМ	91
3. БОЙ НА ДОРОГЕ	104
4. «ТЫ ОТДАЛ МОСКВУ!»	116
5. ЕЩЕ ОДИН БОЙ НА ДОРОГЕ	125
6. ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ОКТЯБРЯ	136
7. ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ОКТЯБРЯ, НА ИСХОДЕ ДНЯ	154
8. МЫ ЗДЕСЬ!	167
9. В ДОМЕ ЛЕСНИКА	183
10. ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ	192
11. УТРО	204
12. У СКРЕЩЕНИЯ ДОРОГ	210
13. ВИНТОВОЧКА, ВИНТОВОЧКА, НЕ ВЫРУЧИШЬ ЛИ ТЫ НАС?	219
14. В ВОЛОКОЛАМСКЕ У ПАНФИЛОВА	239

ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

1. СИНЧЕНКО, КОНЯ!	242
2. В ШТАБЕ ДИВИЗИИ	254
3. БАТАЛЬОН ВО ТЪМЕ	265
4. НОЧЬ	277
5. УТРЕННИЙ ТУМАН	291
6. ВОЛОКОЛАМСК ПАЛ	297
7. ОТХОД. ПОСЛЕДНЯЯ ПАЧКА «БЕЛОМОРА»	307
8. ПОСЛЕ БОЛЬШОЙ ТОЧКИ	315
9. ПОБЕСЕДУЕМ ВТРОЕМ	320
10. НОЧЕВКА У МОСТА	328
11. ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ОКТЯБРЯ	338
12. ВЫСШЕЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	354
13. ДЕРЕВЕНЬКА ГОРКИ	364
14. КОМАНДИР ДИВИЗИИ ЗА РАБОТОЙ	376
15. КАКИМ БЫ ТЫ НИ БЫЛ...	392
16. ЗАЧЕМ, ЗАЧЕМ ОН ПРИЕЗЖАЛ?	401
17. ПЯТНАДЦАТЬ КАПЕЛЬ	410

ПОВЕСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. ЖЕНЩИНЕ ВЫЙТИ ИЗ РЯДОВ!	418
2. ПАНФИЛОВ ПРИЕХАЛ ПООБЕДАТЬ	434
3. СЕКРЕТ ЧИСТОГО БРИТЬЯ	448
4. ПРИГОТОВИТЬСЯ ПО ПЯТОМУ!	458
5. КАНУН. СТАНЦИЯ МАТРЕНИНО	465
6. КАНУН. ГОРЮНЫ	473
7. «ТАК ДЕРЖАТЬ – ЗНАЧИТ НЕ УДЕРЖАТЬ»	479
8. ТАК ЛОВЯТ ХИЩНЫХ ПТИЦ	495
9. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА	515
10. НОЧЬ НА ВОСЕМНАДЦАТОЕ НОЯБРЯ	539
11. ЕЩЕ ТРИ ДНЯ	555
12. ОН БУДЕТ ЖИТЬ	573

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

1. ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО НЕТ ФАМИЛИИ

В этой книге я всего лишь добросовестный и прилежный пи-сец.

Вот ее история.

– Нет, – резко сказал Баурджан Момыш-Улы, – я ничего вам не расскажу. Я не терплю тех, кто пишет о войне с чужих рассказов.

– Почему?

Он ответил вопросом:

– Знаете ли вы, что такое любовь?

– Знаю.

– До войны я тоже считал, что знаю. Я любил женщину, я испытал страсть, но это ничто в сравнении с любовью, которая возникает в бою. На войне, в бою, рождается самая сильная любовь и самая сильная ненависть, о которой люди, этого не пережившие, не имеют представления. А понимаете ли вы, что такое внутренняя борьба, что такое совесть?

– Понимаю, – менее уверенно ответил я.

– Нет, вы этого не понимаете. Вы не знаете, как дерутся, борются два чувства: страх и совесть. Самые свирепые звери не способны так жестоко бороться, как эти два чувства. Вам известна совесть труженика, совесть мужа, но вы не знаете совести солдата. Вы бросали когда-нибудь гранату во вражеский блиндаж?

– Нет.

– Тогда как же вы будете писать о совести? Боец наступает вместе с ротой, в него бьют из пулеметов, рядом падают товарищи, а он ползет и ползет. Проходит час – шестьдесят минут. В минуте шестьдесят секунд, и каждую секунду его могут сто раз убить. А он ползет. Это совесть солдата! А радость? Знаете ли вы, что такое радость?

– Должно быть, и этого не знаю, – сказал я.

– Верно! Вам известна радость любви и, быть может, радость творчества. Жена, вероятно, делилась с вами радостями материнства. Но кто не испытал радости победы над врагом, радости боевого подвига, тот не знает, что такое самая сильная, самая жгучая радость. Как же вы будете писать об этом? Станете выдумывать?

На столе лежал номер журнала, где был напечатан очерк о панфиловцах, о бойцах того самого полка, которым командовал Баурджан Момыш-Улы.

Он резко придвинул журнал к лампе – все его движения были резкими, даже когда он бросал спичку, закурив, – перелистал, склонился над раскрытой страницей и отбросил.

– Не могу читать! – произнес он. – На войне я прочел книгу, написанную не чернилами, а кровью. После такой книги мне невыносимы сочинения. А что можете написать вы?

Я пытался спорить, но Баурджан Момыш-Улы был непреклонен.

– Нет! – отрезал он. – Мне ненавистна ложь, а вы не напишете правды.

Познакомиться нам довелось так.

Я долго искал человека, который мог бы рассказать о битве под Москвой, – человека, чье повествование охватило бы замысел и смысл операций и вместе с тем повело бы туда, где проверяется и решается все, – в бой.

Не буду описывать этих поисков. Скажу лишь необходимое.

Изучив материалы, я знал, что, наступая на Москву в октябре и в ноябре 1941 года и пытаясь сомкнуть клещи вокруг нашей столицы, противник одновременно рвался к цели напрямик, нанося главный удар вдоль Волоколамского, а затем Ленинградского шоссе.

В тяжелые дни октября, когда немцы прорвались под Вязьмой и на танках, мотоциклах, грузовиках двигались на Москву, подступы к Волоколамскому шоссе закрыла 316-я стрелковая дивизия, ныне известная как 8-я гвардейская дивизия имени генерал-майора Панфилова. Предприняв второе, ноябрьское, наступление на Москву, противник вбивал клин в том же на-

правлении, где опять-таки дрались панфиловцы. В семидневном сражении под Крюковым, в тридцати километрах от Москвы, панфиловцы вместе с другими частями Красной Армии сдержали напор немцев и отбросили врага.

Я отправился к панфиловцам и, еще не ведая ни имени, ни звания человека, который расскажет историю великой двухмесячной битвы, верил: я встречу его.

И действительно встретил.

Это был Баурджан Момыш-Улы, в дни битвы под Москвой старший лейтенант, а теперь, два года спустя, гвардии полковник.

Знакомясь, он назвал себя. Плохо расслышав, я переспросил.

– Баурджан Момыш-Улы, – отдельно повторил он.

В его тоне я уловил странную нотку, которая в тот момент показалась ноткой раздражения. Должно быть, он любит, подумалось мне, чтобы его понимали мгновенно.

По привычке корреспондента я вынул записную книжку.

– Простите, как пишется ваша фамилия?

Он ответил:

– У меня нет фамилии.

Я изумился. Он сказал, что в переводе на русский Момыш-Улы означает сын Момыша.

– Это мое отчество, – продолжал он. – Баурджан – имя. А фамилии нет.

В его лице не было мечтательной мягкости, свойственной, как принято думать. Востоку. Существует множество лиц, которые кажутся вылепленными – иногда любовно, тщательно, иногда – как говорится – тяп да ляп. Лицо Баурджана Момыш-Улы напоминало о резьбе, а не о лепке. Оно казалось вырезанным из бронзы или из мореного дуба каким-то очень острым инструментом, не оставившим ни одной мягко закругленной линии.

У меня оно вызвало одно детское воспоминание. На твердых синих переплетах собрания сочинений Майн Рида или Фенимора Купера было вытиснено в профиль худощавое лицо индейца. Профиль Баурджана был похож, чудилось мне, на этот рельефный оттиск.

По-монгольски смуглое, слегка широкоскулое, часто непроницаемо спокойное, особенно в минуты гнева, оно было украшено на редкость большими черными глазами. Свои блестящие черные волосы, упрямо непокорные гребенке, Баурджан в шутку называл лошадиными.

Слушая, я приглядывался к нему. Этот казах свободно владел богатством русской речи. Даже в минуты волнения он не коверкал слов и оборотов. Лишь некоторая неторопливость речи казалась иногда нарочитой. Впоследствии я подметил: слова текли быстрее, когда он разговаривал по-казахски.

Взяв папиросу и с резким щелканьем захлопнув портсигар, он упрямо закончил:

– Если вы все-таки когда-нибудь будете обо мне писать, называйте меня по-казахски: Баурджан Момыш-Улы. Пусть будет известно: это казах, это пастух, гонявший баранов по степи; это человек, у которого нет фамилии.

В первый же вечер знакомства мне посчастливилось услышать, как Баурджан Момыш-Улы беседовал с прибывшими в полк командирами – новичками войны.

Он говорил о душе солдата. Неторопливо развивая мысль, он рассказал кстати про один из боев у Волоколамского шоссе.

У меня екнуло сердце. Быстро вынув блокнот, я жадно записывал. Еще не веря удаче, я угадывал: вот они, страницы долгожданного повествования.

Улучив после беседы минуту, я попросил Баурджана Момыш-Улы рассказать с начала до конца историю боев у Волоколамского шоссе.

– Нет, – ответил Баурджан Момыш-Улы, – я ничего вам не расскажу.

Читателю известен наш дальнейший разговор.

Я не сомневался, что Баурджан Момыш-Улы в этом случае был несправедлив. Я хотел того же, что и он: правды. Однако его оценки людей – особенно тех, кто не испытал доли солдата, – нередко бывали излишне колючими. Думается, это отчасти объяснялось молодостью Баурджана. В те дни, когда мы встретились, ему исполнилось тридцать лет.

Получив крутой отказ, я перестал настаивать, но немало дней провел бок о бок с Баурджаном.

Он любил и умел рассказывать. Ловя случай, я терпеливо записывал. Он привык ко мне.

От друзей Баурджана я узнал историю его жизни. В школе ему дали два прозвища: Большеглазый и Шан-Тимес. Второе в буквальном переводе означает недоступный пыли. Так звался легендарный конь, который скакал столь быстро, что даже пыль, поднятая его копытами, не касалась его.

Наступила минута, когда я сказал Баурджану:

– А все-таки я напишу про вас. И где-нибудь обязательно упомяну, что в школе вы были Шан-Тимес.

Он улыбнулся. Улыбка преобразила его. Суровое лицо вдруг становилось ребячливым.

– А вы артиллерийская лошадь, – ласково сказал он. – Не обижайтесь, это комплимент. Артиллерийская лошадь везет медленно, ее трудно повернуть, но, поворачивая, она тянет за собой и оружие. Вы повернули меня... Я расскажу все, что вы хотели. Но условимся...

Слегка откинувшись, он выхватил из ножен шашку. В низком сыроватом блиндаже, скупо освещенном маленькой лампой без стекла, блеснуло светлое узорчатое лезвие.

2. СТРАХ

– Условимся, – продолжал он. – Вы обязаны написать правду. Готовую книгу принесете мне. Я прочту первую главу, скажу: «Плохо, наврано! Кладите на стол левую руку». Раз! Левая рука долой! Прочту вторую главу: «Плохо, наврано! Кладите на стол правую руку». Раз! Правая рука долой! Согласны?

– Согласен, – ответил я.

Мы оба шутили, но не улыбались.

Не по-монгольски широкие черные глаза испытующе вглядывались в меня.

– Хорошо, – сказал он. – Кладите бумагу, берите карандаш. Пишите: «Глава первая. Страх».

– Пишите, – сказал Баурджан Момыш-Улы: – «Глава первая. Страх».

Bu tanishuv parchasidir. Asarning to'liq versiyasi
<https://kitobxon.com/oz/asar/3619> saytida.

Бу танишув парчасидир. Асарнинг тўлиқ версияси
<https://kitobxon.com/uz/asar/3619> сайтида.

Это был ознакомительный отрывок. Полную версию можно
найти на сайте <https://kitobxon.com/ru/asar/3619>